

MATT HAIG

**THE LAST FAMILY
IN ENGLAND**

МЭТТ ХЕЙГ

**ПОСЛЕДНЕЕ СЕМЕЙСТВО
В АНГЛИИ**

Москва
2020

УДК 82-3
ББК 84
Х 35

*Издание публикуется с разрешения Canongate Books Ltd
и литературного агентства Van Lear*

Оформление обложки Ксении Волковой

Хейг, Мэтт

Х 35 Последнее семейство в Англии / Пер. с англ. К. Чистопольской — Москва: Лайвбук, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-907056-32-9

У каждого члена «Последнего семейства в Англии» есть секреты, но только один из них намерен все разноухать. Навострив уши, он пытается угадать, какая из тайн забудется, если сидеть тихо, а какая разрушит его единственную семью.

Мэтт Хейг — одна из ключевых фигур современной британской литературы. Газета The Guardian назвала его сказку «Мальчик по имени Рождество» современной классикой, кинокомпания Studio Canal немедленно купила права на экранизацию. Автобиографический нонфикшн Мэтта Хейга занимает первые строки в списках бестселлеров, а художественные романы «Семья Рэдли» и «Люди и я» удостоены престижных наград.

УДК 82-3
ББК 84

Copyright © Matt Haig, 2004
© Ксения Чистопольская,
перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство Лайвбук», оформление, 2019

ISBN 978-5-907056-32-9

Посвящается Андреа

Главная задача отца и мужа —
обеспечивать безопасность семьи.

Дэвид БЕКХЭМ

Премудрость вопиет на стогнах,
и никто не внимлет ей.

*Уильям ШЕКСПИР**

* У. Шекспир, «Генрих IV», Часть 1, Акт 1, Сцена 2, перевод
Е. Бируковой.

говорить

Собаки любят говорить.

Мы говорим все время, без остановки. Друг с другом, с людьми, с собой. Говорим, говорим, говорим. Конечно, мы не разговариваем, как люди. Мы не открываем рот и не произносим фразы, как это делают они. Мы не можем. Мы видим, какой это приносит вред. Мы знаем слова, мы все понимаем, мы владеем речью, но наша речь длится, она не прекращается, когда мы решаем закрыть пасть. Всякий раз, когда мы обнюхиваем, лаем, тычемся носом в пах, поливаем фонарный столб, мы высказываем, что у нас на уме.

Так что, если хотите правды, спросите пса.

Но люди не всегда нас слышат. Они не всегда считают, что нам есть что сказать. Они приказывают, мы слушаемся. Сидеть. Место. Гулять. Ко мне. Апорт. Вот и весь разговор, что нам дозволен. Все, с чем люди могут сладить.

Но нас не удержать. В смысле, другие породы могут сильно злиться по этому поводу и порой прибегать к языку, который люди способны понять. Что до лабрадоров, мы готовы ждать. И к тому же, так мы многому учимся. Мы сидим и слушаем все

это. Мы слышим ложь и чуем правду. Особенно в Семьях.

В конце концов, кто, как не собака, видит целостную картину? Кто, как не собака, может сидеть и наблюдать, что происходит за дверью каждой спальни? Ролевые игры перед зеркалом, хныканье под пуховым одеялом, непрекращающийся диалог их безволосых тел? Мы — единственные свидетели.

И мы рядом, когда они готовы излить душу. Когда они готовы раскрыть свою невысказанную любовь.

Мы всегда рядом. Слушаем все и безмолвно их утешаем.

нормально

Я проснулся этим утром, будто ничего не случилось.

В первые туманные мгновения я чувствовал себя почти нормально, как раньше, когда Хантерам еще не грозила беда. Но потом я медленно сфокусировался на ботинках, брошенных у задней двери, и волна тошноты накрыла меня. Все вернулось. А главное — едкий привкус крови вновь возник в моей глотке, и я затосковал по времени, когда не сознавал, чего стоит охранять безопасность Семьи.

Затем, вслед за страхом, я ощутил странное чувство облегчения, когда вспомнил, что должно случиться сегодня.

Я вспомнил, что должен умереть.

УДОВОЛЬСТВИЕ

Мы на тротуаре возле дома Милого Мистера Ветеринара, когда Адам усаживается возле меня на корточки.

— Прости, Принц, — говорит он, и его рука опускается на мой ошейник. — Это все я виноват.

Я пытаюсь сказать ему, что все это, вообще-то, моя вина. Но, конечно, он не понимает. Он открывает дверь, и все оглядываются на нас, когда звенит колокольчик. Адам подходит к регистратуре, но там никого нет. Пока мы ждем, я чувствую, что все собаки обращают на меня внимание, замечают мой запах.

Я чую другого лабрадора, позади, но не оборачиваюсь посмотреть. Напротив, я быстро оглядываю тех псов, что сидят с хозяевами вдоль дальней стены. Трехлапая немецкая овчарка. Бордер-колли, клацающий зубами. Бобтейл, смеющийся про себя из-под косматой белой челки. Есть тут и кошка, шипящая за дверью своей клетки.

Конечно, никто не знает, почему я здесь — еще слишком рано.

Еще один запах подплывает ко мне — тошнотворно сладкие духи.

Женщина вернулась за стойку, хотя я не вижу ее.

— Это, э, мистер Хантер, — говорит Адам, прежде чем махнуть в мою сторону. — С Принцем. Мы записаны на полдесятого.

Женщина листает страницы.

— Мистер Хантер. Девять трид... — Внезапно она замолкает, перевешивается через стойку, чтобы посмотреть. Ее лицо — необъятная безволосая плоть, раскрашенная оранжевым. — Разве он не должен быть в наморднике? — Ее голос теперь тревожно напряжен.

— Все хорошо, — говорит Адам, выдавив подобие улыбки другим людям в комнате. — Он уже бывал тут раньше, и никогда не создавал проблем. Он всегда был... хорошим псом.

Повисает молчание. Но это не настоящее молчание, потому что звуки боли и страха пробиваются из другой комнаты.

— У нас есть намордник, — говорит женщина.

— О. — Я чувю, что он хочет и дальше меня защищать, но не знает, как.

— Таковы правила, понимаете, для опасных собак.

— Хм, ладно.

Она вручает Адаму намордник, и он вновь садится передо мной на корточки, на этот раз не выказывая сочувствия. Я не виню его за это. Вовсе нет. Этого ему никогда не понять.

Намордник крепко сжимает мой нос и мешает нюхать.

— Так, — говорит Адам, — идем, малыш. — Я чувствую, что он вот-вот расплчется, но старается взять себя в руки.

Он садится на единственный свободный стул, усадив меня прямо рядом с лабрадорихой, чей запах я учуял раньше. Я знаю, что она молода, моложе меня, и ее болезнь не серьезна.

— Долг превыше всего, — говорит она, обнюхивая сбоку мою морду.

— Долг превыше всего, — нюхаю я ее в ответ, сквозь намордник, надеясь, что на этом все закончится.

Она обнюхивает меня еще, затем садится.

— Ты тот самый, — говорит она. — Верно?

— Я не понимаю, — отвечаю я ей, хотя боюсь, что все понял верно.

Она оглядывается вокруг, проверяя, что другие собаки не слушают:

— Ты тот, кто нарушил Пакт лабрадоров.

Я сглатываю. Я хочу ей солгать. Я собираюсь солгать ей. Но она поймет, что я вру, и начнет задавать еще больше вопросов. И вокруг полно других животных, поддерживающих мою смерть. Допрос может продолжаться вечно.

И я говорю правду. Я говорю:

— Да, это я.

Смотрю на неё. Она выглядит так, словно кто-то дернул ее за хвост.

— Почему? Что тебя заставило?

— Это долгая... — Прежде чем мне удастся закончить, открывается дверь. Звенит колокольчик. Это спрингер-спаниель, тянет хозяина вперед.

Как только он замечает меня, его нос дергается. Унюхав мою вину, он начинает лаять:

— Это он! Это он!

Хозяин пытается его уговорить.

— Тише, Мёрдок! Тише!

Но, конечно, Мёрдок не обращает внимания и продолжает лаять.

— Это он! Это он! Тот, кто нарушил Пакт лабрадоров!

Другие собаки присоединяются к нему.

— Это он! — лает трехлапая овчарка.

— Это он! — тьявкает бордер-колли.

— Это он! — хихикает бобтейл.

Мёрдок теперь играет на публику.

— Лабрадоры в кризисе! Пакт был фальшивкой! Собаки для собак, а не для людей! — Он начинает задыхаться в ошейнике. — Удовольствие, а не долг!

— Удовольствие, а не долг!

— Удовольствие, а не долг!

— Удовольствие, а не долг!

Кошка крутится в клетке в испуге, шипя еще яростней, чем прежде.

— Пожалуйста, успокойте своих животных! — требует женщина за стойкой. Но несмотря на старания людей, лай лишь становится громче.

— Видишь? — говорит мне соседка-лабрадориха.— Видишь, что ты наделал? Спрингеры решат, что они победили! Лабрадоры потеряют веру! Начнется анархия!

И словно в доказательство ее слов Мёрдок вырывает свой поводок, допрыгивает до стойки и начинает слизывать краску с оранжевого лица женщины.

— Простите, я не хотел нарушать Пакт, — говорю я, пытаюсь убедить не только лабрадориху, но и себя. — Но у меня не было выбора.

— Не было выбора?

— Пакта недостаточно. — Я оборачиваюсь и смотрю на нее, а затем на Адама, который пытается защитить мои уши от шума.

— Но почему? — Хотя она неизбежно расстроена моим святотатством, я вижу, что она искренне пытается понять. И, пока вокруг нас стоят шум и хаос, я впервые понимаю, что для людей еще может оставаться надежда.

Держа в голове эту мысль, я начинаю отвечать на ее вопрос.

ПАКТ ЛАБРАДОРОВ:

Долг превыше всего

Счастье и безопасность человеческих Семейств покоится на жертве.

Нашей жертве.

Мы – последние собаки, которые понимают, что долг превыше всего. Мы последние, кто знает, что человеческие Семейства держат в своих руках наше будущее. Никогда еще не было так сложно поддерживать гармоничную Семейную среду, и никогда это не было столь жизненно необходимо.

Лабрадоры должны посвятить каждую крупицу своих жизней защите хозяев, если мы хотим достичь Вечной Награды. Если хоть один лабрадор не исполнит своей задачи, вся миссия будет подвергнута риску.

Все меньше Семейств заводят собак для защиты, и еще меньше заводят лабрадоров. Это значит, что наше влияние на человеческое общество скоро начнет угасать. Чтобы предотвратить эту ужасающую ситуацию, каждый лабрадор, в Семье он живет или нет, должен действовать в интересах своих хозяев.

Если мы поддадимся инстинктам и забудем о тех, кто заботится о нас, мы никогда не воссоединимся с нашими Семьями после смерти. Поэтому мы должны постоянно помнить высшую истину: разувериться в людях означает разувериться в самих себе.

сад

Я был в саду с Адамом.

Лежал на боку, в траве, нежась на солнце под теплым ветерком. Приложив ухо к земле, я мог слышать нежный пульс земли глубоко внизу. Та-дам. Та-дам. Та-дам.

Адам не слышал звуков земли. Он вовсю сражался с розовым кустом. И, хоть он и был вооружен железными ножницами, розовый куст явно побеждал.

— Ах. Дрянь. Боже. Ах. Черт. Подери, — сказал он, когда колючие стебли предприняли необходимые защитные меры. В конце концов, хотя несколько щелчков ножницами были успешными, он отступил и признал поражение.

— Не знаю, малыш, не знаю, — сказал он мне, отирая бровь тыльной стороной руки в перчатке. Бросив быстрый косой взгляд на солнце, он отвернулся, наклонился и занялся более нежными отростками.

Щелк, щелк, щелк.

Старался, чтобы Природа знала свое место.

приношение

Позже, когда спустились сумерки, Адам повел меня на вечернюю прогулку.

В парке было много людей-подростков, которые сидели на стене. Они делали это каждую неделю, просто приходили и сидели.

Адам старался к ним не приближаться. Он знал некоторых по школе и, думаю, предпочитал оставаться неузнанным. Так что он держался другой стороны парка, искал палочки.

Я увидел одну прежде него, подходящей длины, и носом привлек внимание. Он слабо улыбнулся и, погладив мою шею, подобрал палку.

— Хорошо, Принц, хорошо.

После пары ложных бросков он завел руку за плечо и кинул палку. Я побежал, быстро, пока она летела по воздуху прямо в небо. Я бежал и смотрел на нее, не спуская глаз, даже когда цветы били меня в грудь, смотрел, ждал, когда она достигнет высшей точки, помедлит, не двигаясь, прежде чем вернуться вниз — быстро, еще быстрее — пока не упадет на землю передо мной, неловко подпрыгнув. Не успев замереть, палка оказалась у меня в зубах, и я побежал к Адаму, торжествуя.

Потом мы повторили ритуал еще два раза. Бросок. Лови. Принеси. Бросок. Лови. Принеси. Мы оба в равной степени наслаждались этим. Для меня главное было приносить, я чувствовал удовлетворение, возвращая вещи обратно. Чтобы начать сначала. Закономерность. Повторение. Для Адама, правда, главным был сам бросок. Отпускание.

Посреди четвертого захода, когда палка упала, кто-то закричал. Сперва я не расслышал слов, и Адам тоже, и мы подошли поближе к стене парка.

Увидев, что мы приближаемся, один из подростков, мальчик, встал.

— Прости, — сказал Адам. — Я не расслышал. Как ты меня только что назвал?

— Задрот. Я назвал тебя задротом, — и затем, бросив скорый, воодушевляющий взгляд на одного из друзей, он добавил: — Сэр.

Подростки засмеялись, их головы теперь склонились к земле.

— Очень смешно. Я удивлен, что консультант по профориентации не посоветовал тебе стать юмористом.

— Не важно, — мальчик глубоко затянулся сигаретой. — Но вот в чем дело, я теперь не в школе, так что не обязан терпеть все твое дерьмо.

— Да, уверен, для тебя это большое облегчение.

— Отъебись, сэр.

Он плюнул, помечая свою территорию.

Я подошел и понюхал его. От него пахло поврежденной кожей. Он был ранен под одеждой.

— О, глянь, он натравил на тебя своего пса,— сказал другой мальчик, прикрыв рот рукой.

Я зарычал.

— Ой, сейчас обделаюсь. На помощь! На помощь!

Снова смех.

— Иди сюда, Принц.

Я вернулся к Адаму по команде. Он взял меня за ошейник и пристегнул к поводку, прежде чем выйти из парка. Когда мы начали переходить дорогу, я что-то учуял позади.

Я обернулся и увидел бутылку, летящую по воздуху. Она разбилась у моих лап, разбросав в разные стороны тысячи невозстановимых осколков. Адам испуганно подпрыгнул.

И снова подростки рассмеялись.

— Задрот! — Закричал парень в последний раз, прежде чем мы повернули за угол.

— Все хорошо, мальчик, — уверил меня Адам. — Все хорошо.

порошок

Хэл сыпал белый порошок в стакан и заливал водой. Вот уже несколько дней он был в пижаме.

— Мама еще в больнице, — сказал он Адаму, хотя его не спрашивали.

— О, — ответил Адам. — А Лотти?

— Да, она вернулась. Мама Сары ее привезла. Она наверху.

Адам начал рассказывать Хэлу о брошенной бутылке, но не успел закончить, как Хэл согнулся, хватаясь за живот. Затем он повернулся и быстро побежал в ванную. Неприятные запахи остались.

Адам пошел посмотреть телевизор.

Я последовал за ним, и, поскольку Кейт еще не вернулась, свернулся калачиком возле него на софе.

Он гладил меня по голове, переключая каналы, и не задержался на собаках, играющих на пианино, и танцующих кошках.

Хэл вернулся из туалета, все еще держась за живот.

— Как ты? — Спросил его Адам.

— Все так же.

— О боже.

Шарлотта спускалась по лестнице. Она оставила открытой дверь своей спальни, чтобы музыка просочилась на первый этаж. Адам и Хэл ничего не сказали, когда она вошла. У Шарлотты, похоже, был новый образ.

— Все хорошо, засранец? — обратилась она к брату.

— Не говори так, — отозвался Адам.

— Почему? Это ведь правда?

— У него понос. Он плохо себя чувствует. А что у тебя с лицом? Ты похожа на Смерть.

— Это макияж.

— Не волнуйся, папа, — сказал Хэл в притворном ободрении, все еще держась одной рукой за живот. — Ей тринадцать. Она растеряна и сбита с толку. Ей нужно экспериментировать с разными образами. На прошлой неделе Бритни, на этой — Мэрилин Мэнсон. Мы должны постараться и быть рядом... — Он схватился за живот и издал звук, который означал, что ему больно.

— Отвянь, засранец, — и прежде чем Адам успел отчитать ее, она уже вернулась наверх.

беспорядок

Когда Кейт вернулась домой, Адам спросил, как ее отец. Она не ответила, по крайней мере, не прямо.

— Кто оставил это там? — спросила она.

— Что?

— Собачий поводок. Почему его не убрали?

— Я собирался. Меня осыпали оскорблениями дети в парке. Я преподавал у них...

Кейт прошла дальше, в кухню.

— О, Адам, взгляни на этот *беспорядок*.

— Любимая, прости. Ну же, сядь. Ты выглядишь усталой.

Я подошел понюхать ее, и все было так же, как часто бывало по вечерам. Больничные запахи. Дедушка Билл. Должно быть, она держала его за руку, заметил я, обнюхивая ее. И должно быть, она держала его долго, потому что запах был сильнее, чем прошлым вечером, когда они навещали его все вместе.

Кейт взглянула вниз, когда я нюхал ее, и мягко улыбнулась. Той улыбкой, что берегла для меня.

— Здравствуй, Принц.

ВСЮДУ

Позже, когда меня закрыли, вернулась Лапсанг. Ее не было два дня, и я начал ощущать ее отсутствие. Конечно, она уходила и прежде, много раз, по правде говоря, она отсутствовала больше, чем была дома. Но все равно, после неловкого начала наши отношения наконец расцвели, и когда ее не было вечерами, мне не хватало собеседника.

И когда она царственно проскользнула сквозь кошачью дверцу, мое сердце забилося.

— Где ты была? — спросил я ее. Мой тон был любопытствующий, а не сердитый.

— Всюду, — проурчала она. — Всюду.

— Думаю, Семье тебя не хватало.

Она оглядела меня тяжелым скептическим взглядом.

— Думаю, ты обнаружишь, что Семья даже не заметила.

— Будь уверена: они скучали.

— Что ж, дорогой, им придется скучать по мне еще, ведь я вернулась ненадолго.

— Но...

— Вообще-то, я подумываю вовсе уйти.

— Ты не серьезно.

— Боюсь, что серьезно, сладкий, — она лизнула свою лапу. — Тебе никогда не хотелось уйти? — спросила она, потянувшись в корзинке.

— Не понял?

— Тебе порой не хотелось просто уйти, убежать, начать все заново?

— Нет. Должен признать, что нет.

— О, а мне да. Вообрази, какая это свобода. Представь, дорогой. Ходить от дома к дому, создавая новые характеры, новые имена, и получая неиссякаемый запас молока.

— Но ты бы не смогла, верно? Ты бы не смогла оставить Семью навсегда?

— А почему бы и нет?

— Ты бы скучала по всем.

— О, нет. Видишь ли, тут ты ошибаешься. Я бы вовсе не скучала по ним. Ни капельки. Я бы просто думала обо всех новых коленках, на которых я могла бы лежать.

Я вздохнул.

— Думаю, ты отрицаешь.

— Отрицаю? — промяукала она недоверчиво.

— Угу. Я тебя видел. Я видел, как ты крутишься возле Шарлотты. Ты ее очень любишь.

Ее голова втянулась в шею.

— У нее самые теплые коленки в доме.

— И это все? Просто теплые коленки?

— Да, Принц. Боюсь, что так. Это все, что она для меня значит.

— Я не верю.

Ее голос изменился.

— Что ж, поверь. Если слишком привязываешься к людям, это только вредит. — Хотя у нее была склонность преувеличивать, я не мог не заметить убежденности в ее взгляде.

— Как так?

— Дорогой, послушай. Я брожу по городу каждый день и каждую ночь. Я не такая, как ты. Я подвижна. Могу пойти, куда захочу. Я заглядываю в окна и вижу, что происходит. Я забираюсь в сады и порой, если знаю, что это безопасно, захожу в дома. Я слышу истории, которые рассказывают другие кошки. У людей кризис. Они притворяются перед всеми, что все еще счастливы, как всегда, но за закрытыми дверями все иначе. Они потеряли контроль. Родители и дети воюют — друг с другом и между собой.

— Так к чему ты это?

— Я к тому, что если ты слишком сблизишься с Семейей, то пойдешь ко дну вместе с ними.

— Есть вещи, Лапсанг, которые даже ты не понимаешь.

Лапсанг взглянула на меня с сомнением.

— Чего я не понимаю?

— Что Семья будет в безопасности.

— Как ты можешь быть уверен, когда это уже происходит? Когда знаки ее печального, но неизбежного распада уже здесь.

— В домах, которые ты посещаешь, живут лабрадоры?

— Не знаю, не думаю. У большинства, пожалуй, вообще нет собак.

Я положил голову на лапы и закрыл глаза.

— Я так и думал.

— *Что ты думал?*

— Ничего. Все, что тебе нужно знать: нет нужды беспокоиться. Правда. Я лабрадор, — сказал я ей. — Семья будет в безопасности.

Возникла пауза, а потом она заурчала:

— О, дорогой, ты такой глупый песик, — сказала она. — *Я не беспокоилась.*

Конечно, Лапсанг не знала о Пакте. Она не знала, что мы были единственными собаками, готовыми посвятить свои жизни защите хозяев. Она не понимала, что все другие породы разуверились в этом деле. Она даже не понимала, что было какое-то дело. В конце концов, она была кошкой.

Но когда я вновь открыл глаза и уставился на четыре пары ботинок, аккуратно расставленных Кейт напротив ящика с овощами возле задней двери, я ничего не мог поделать, и слова Лапсанг вновь раздалились у меня в голове.

...слишком сблизись с Семейей, и пойдешь ко дну вместе с ними...

ПАКТ ЛАБРАДОРОВ:

Готовьтесь к переменам в людском поведении

Человеческая жизнь не укладывается в удобный план. Несмотря на все наши усилия, люди постоянно сбиваются с пути из-за событий, которые происходят с ними. Даже когда событие ожидается или происходит не в первый раз, оно все равно может серьезно повлиять на поведение наших хозяев.

Наш долг как лабрадоров – быть готовыми к изменениям в любой момент. Мы должны сознавать, что именно наше присутствие, которое указывает, что все всегда будет идти своим чередом, способно вернуть людей к повседневности.

Когда бы ни случились перемены, мы должны оставаться верными своей цели. В конце концов, мы должны помнить, что безопасность человеческого Семейства подвергается риску не из-за перемен, а из-за нашей неподготовленной реакции на них.

счастье

Адам отстегнул поводок, но оставил руку на моем носе.

— Место.

Это всегда было его любимой игрой.

— Место.

Удерживать меня как можно дольше.

— *Ме-есто.*

Я сидел на траве в парке.

— Молодец. Место.

А он отступал от меня, идя задом наперед.

— Место. Место.

Чтобы дать себе фору.

— Ну же, малыш! Ко мне!

Я сорвался с места, как гончая. Заметьте, мне пришлось это сделать, потому что стартовая отметка и финишная черта находились друг от друга на расстоянии одного собачьего прыжка. Но мне это нравилось. Нравилось приносить ему счастье. Нравилось смотреть, как он откидывал голову, когда я толкал его к невидимой ленте.

— Ничья, — выдыхал он, хотя я был уверен, что он знал: я побеждал с небольшим перевесом.

дар

Если бы я попытался вспомнить, когда все началось, когда я впервые начал сомневаться в своем даре, мне было бы трудно выделить отдельный момент. Определенно, это не случилось за одну ночь. Я не проснулся в своей корзинке, обнаружив, что вся Семья за завтраком вдруг ускользнула из-под моего контроля.

Все, что я могу сказать: было время, когда казалось, будто все хорошо, когда Пакт лабрадоров давал все ответы, а Хантеры казались неподвластными угрозам внешнего мира.

Возможно, это была иллюзия. По правде, я знаю, что так и есть. Но это была иллюзия, в которую верил каждый член Семьи. И хотя я не могу вспомнить, когда начал сомневаться в Пакте, я помню, когда иллюзия стала блекнуть.

Все началось не с разбитой бутылки, нет. Все случилось неделю спустя. В день, когда Хэлу стало лучше.

девочка в зеркале

Я беспокоился за Хэла, но это было не ново. Я беспокоился уже довольно давно.

Из-за того, что он никогда не был собой, ни перед кем. Из-за того, что он был шумным и уверенным в себе среди Семьи, но цепенел перед внешним миром. Из-за того, как он говорил с зеркалом, словно это была девушка его мечты, Лора Шепард. В тот вечер я просто лежал там, на полу его спальни, пристально наблюдая.

— Привет, Лора, — сказал он. А затем попробовал другой тон. — *Привет, Лора.*

Он позвал ее на вымышленное свидание:

— Что ты делаешь в пятницу вечером? — спросил он, выжидающе подняв бровь.

Конечно, девочка в зеркале не ответила, а он не настаивал. Вместо этого он подождал, когда она отвернется или полностью исчезнет, чтобы он смог выдавить свои угри.

ГОЛОС

Голос с первого этажа. Его мама:

— Еда готова.